

ПРОБЛЕМАТИКА РЕАЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФИИ НАУКИ Т. КУНА

Серкова Вера Анатольевна – доктор философских наук, профессор. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Российская Федерация, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29; e-mail: henrypooshel@rambler.ru

Цель этой статьи – прояснить важность вопросов о природе реальности для понимания основных идей философии науки Томаса Куна. Тема реальности не является для Куна «слишком метафизической» и потому нежелательной, как для неопозитивистов, хотя, в определенном смысле она «преждевременна», и в полной мере обозначится впоследствии в дискуссиях реалистов и антиреалистов. Онтологический смысл проблемы отношения науки и реальности появляется в работах Куна как побочная, но неустранимая тема его эпистемологических исследований. В первой части статьи анализируются высказывания Куна о реальности и определяется его онтологическая позиция, во второй рассматривается, как проблематика реальности уточнялась в его полемике с критиками, которые либо, как К. Гемпель, обращают Куна к прояснению некоторых пунктов его представлений о реальности, либо, как М. Мастерман, дают свою интерпретацию его идей, с которой он соглашается. В третьей части работы показано, как антиреализм Куна отражается на его эпистемологическом и методологическом понимании объективности и истины в науке. В выводах подводится итог исследования, который состоит в том, что эпистемологический скептицизм Куна становится для него самого и для его критиков все более очевидным, и на этом фоне проявляется его антиреалистическая онтологическая позиция.

Ключевые слова: Томас Кун, реальность, эпистемология, объективность, истина

THE PROBLEM OF REALITY IN THE PHILOSOPHY OF SCIENCE BY T. KUHN

Vera A. Serkova – DSc in Philosophy, Professor. Saint Petersburg Polytechnic University of Peter the Great. 29 Polytechnicheskaya Str., Saint Petersburg 195251, Russian Federation; e-mail: henrypooshel@rambler.ru

The purpose of this article is to clarify the importance of questions about the nature of reality for understanding the basic ideas of Thomas Kuhn's philosophy of science. For Kuhn, the topic of reality is not "too metaphysical" and therefore undesirable, as for the neo-positivists, although in a certain sense it is "premature" and will emerge later in the discussions of realists and anti-realists in full measure. The ontological meaning of the problem of the relationship between science and reality appears in Kuhn's works as a side topic of his epistemological research. The first part of the paper analyzes Kuhn's statements about reality and determines his ontological position; the second part considers how the problematic of reality was clarified in his polemic with his critics, who either, like K. Hempel, turn Kuhn to clarify some points of his ideas about reality, or, like M. Masterman, give their interpretation of his ideas, with which he agrees. The third part of the paper shows how Kuhn's

anti-realism is reflected in his epistemological and methodological understanding of objectivity and truth in science. The conclusion of the paper is that Kuhn's epistemological skepticism is becoming increasingly evident to himself and his critics, and his anti-realist ontological position becomes apparent against this background.

Keywords: Thomas Kuhn, reality, epistemology, objectivity, truth

Формулировка проблемы

Онтологическая проблематика долгое время находилась на периферии интересов философов науки как по сути метафизический, сдерживаемый, но постоянно возвращающийся в эпистемологию вопрос о статусе реальности в научном познании. Со всей отчетливостью он будет поставлен в спорах реалистов с антиреалистами. В формулировке Дэвида Чалмерса этот вопрос разрешается на метауровне, когда формулируются онтологические проблемы и определяются эпистемологические способы их решения: «Основной вопрос онтологии – “Что существует?”. Основной вопрос метаонтологии заключается в следующем: существуют ли объективные ответы на основной вопрос онтологии? Здесь онтологические реалисты говорят “да”, а онтологические антиреалисты – “нет”» [Chalmers, 2007, p. 77]. Чалмерс показал, насколько размытыми могут быть границы между реализмом и антиреализмом, вследствие чего преумножаются их разновидности. Он перечисляет эти виды, которые смыкаются на переходных формах «от реализма к антиреализму»: тяжеловесный реализм, упрощенный реализм, серединный антиреализм, крепкий антиреализм, достаточно крепкий антиреализм, ультра-крепкий антиреализм, онтологический антиреализм (heavyweight realism, lightweight realism, intermediate anti-realism, strong anti-realism, reasonably strong anti-realism, ultra-strong anti-realism, ontological anti-realism) [Ibid., pp. 78, 79, 85, 92, 112, 114, 119]. Причина такого «преумножения сущностей» лежит в невозможности согласовать ответы на «трудные» онтологические вопросы о природе реальности. Обратной стороной эпистемологической осторожности в этом вопросе является позиция онтологической неопределенности и уклонение от «онтологических обязательств» (У. Куайн). Чалмерс разворачивает впечатляющую панораму множества возможных онтологических позиций «от реализма к антиреализму», но не характеризует этот порядок как устойчивый, иначе как объяснить, что «упрощенный реализм и онтологический антиреализм имеют больше общего друг с другом, чем любой из них имеет общего с тяжеловесным реализмом» [Ibid., p. 125]. Продолжающиеся дискуссии реалистов и антиреалистов

являются свидетельством неизбежности онтологической проблематики в эпистемологических исследованиях¹.

Чалмерс, анализируя пост-позитивистскую стадию развития философии науки, выявил сложности, которые возникали и на предшествующих этапах развития «позитивного знания», в частности, это касается внятности онтологических вопросов, управляющих эпистемологическими исследованиями. Это в полной мере относится к теории науки Томаса Куна. Вопрос о реальности Кун формулирует в духе мета-онтологии Чалмерса: «Может ли мир, изменяющийся с течением времени и от одного сообщества к другому, соответствовать тому, что обычно называют «реальным миром»? [Кун, 2014, с. 143], и что «разумного можно сказать о реальном мире?» [Там же].

В «Дополнение 1969 года» к «Структуре научных революций» Т. Кун включил важное для понимания всей его эпистемологической программы размышление о реальности: «Я думаю, что нет независимого ни от какой теории способа перестроить фразы, подобные выражению «реально существует»; представления о соответствии между онтологией теории и ее «реальным» подобием в самой природе кажутся мне теперь в принципе иллюзорными. Кроме того, у меня как у историка науки сложилось впечатление о невероятности этого мнения. Я не сомневаюсь, например, что ньютоновская механика улучшает механику Аристотеля и что теория Эйнштейна улучшает теорию Ньютона в том смысле, что дает лучшие инструменты для решения головоломок. Но в их последовательной смене я не вижу связанного и направленного онтологического развития» [Кун, 1977, с. 269]. Исходя из этого высказывания, позиция Куна определенно тяготеет к полюсу антиреализма. Следует отметить, что предпологаемый антиреализм Куна связан с его неудовлетворенностью ответами на вопрос о природе реальности, которые можно получить от приверженцев всех видов реализма². Тезис о том, что Куна следует рассматривать как антиреалиста³ основан: 1) на сомнениях Куна

¹ Следует согласиться с Л.В. Шиповаловой, что: «Отсутствие непосредственных онтологических заявлений не препятствует тому, что в поле работы оказываются процессы, центрированные на вещах, объектах исследования» [Шиповалова, 2018, с. 159].

² В этой связи Кун упоминает Н. Хэнсона, М. Поланьи, С. Тулмина, П. Фейерабенда, которые давали «ответы, казавшиеся мне поверхностными» [Кун, 2014, с. 416].

³ Как антиреалиста Куна характеризует А. Bird [Bird, 2000, pp. 142–146], рассматривающий разные «способы быть антиреалистом» («ways of being an anti-realist»), об этом же S. Psillos [Psillos, 2005, p. 391]. О влиянии Куна на зарождающийся антиреализм: E. McMullin [McMullin, 1993, p. 71]. О «более радикальной антиреалистической позиции» позднего Куна: [Ghins, 2003, p. 265]. О возможности «какого-то разумного способа» совмещения преимуществ реализма и антиреализма: J. Worrall [Worrall, 1989, p. 99]. Чалмерс по сути, дает положительный

в принципе соответствия «реального» в теории и «реального» в природе⁴; 2) на признании антиреалистической по сути установки о влиянии теории на представления о реальности; 3) на его скептицизме в отношении продуктивности метода терминологического прояснения смысла понятия «реальность» (программы логических позитивистов определенно не управляют направлением его исследований в СНР, однако имена логиков Куайна, Рамсея, Тарского и особенно Гемпеля, с которым у Куна сложилось особое интеллектуальное взаиморасположение, появятся в его последующих работах); 4) на принципе несоизмеримости теорий, на котором бескомпромиссно настаивал Кун и который подвергался ожесточенной критике; и самое главное: 5) на невозможности для Куна видеть в последовательной исторической смене теорий онтологического развития.

Кун возвращался к онтологической проблематике от случая к случаю, в основном, в полемических спорах по поводу понимания некоторых пунктов его парадигматической программы, поэтому наилучшим способом ее прояснения является обращение к этой полемике.

«Одиночество» Куна: Кун и его критики

Среди своих критиков Кун особо выделяет Карла Гемпеля. В основе их отношений лежит человеческая симпатия и «доброжелательная тщательность» Гемпеля-критика, именно это способствовало их совместной работе, что не получалось с менее благосклонными и менее конструктивными оппонентами Куна. Кун подчеркивает, что у Гемпеля он «научился осознавать философские тонкости, важные для моей деятельности. В нем я увидел человека, для которого философские дистинкции служили продвижению к истине, а не были средством одержать победу в споре» [Кун, 2014, с. 288]. Гемпель, хотя и не был в числе обвинителей Куна в иррационализме в вопросе выбора теории, однако, как отмечает Кун, мог объяснить, почему в этом его упрекают другие [Там же], именно благодаря Гемпелю Кун проясняет для себя логику своих оппонентов. Кун соглашается с Гемпелем в том, что анализ принципа выбора теории выявляет некоторую

ответ на этот вопрос, и Кун может служить примером такого рода позиции. О значении теории Куна в современных дебатах реалистов и антиреалистов: [Wray, 2021; Dimitrakos, 2021; Sankey, 2021; Beni, 2021; Needham, 2020; Curd, Tulodziecki, 2019; Taylor, 2019; Pirozelli, 2019].

⁴ Кун предпочитает использовать понятия «мир» и «природа», понятие «реальность» появляется преимущественно в его поздних текстах. Д. Прайс в своем исследовании метафизического бэкграунда теории Куна обращает внимание на удвоение смыслов «мир», что отражается на ясности его онтологической программы [Price, 2013, ch. 1].

замкнутую структуру. В этой связи Кун упоминает старую статью Гемпеля «Дилемма теоретика» 1958 г., в которой рассматривался «парадокс теоретизирования» [Гемпель, 1998, с. 164]. То, что Гемпель называл дедуктивно-номологической моделью, или отношением законов науки к описанию факта (эксплананса к экспланандуму) является замкнутой объясняющей программой, предоставляющей «любое объяснение, т.е. любой рационально приемлемый ответ на вопрос «Почему произошло X?» [Там же, с. 223]. Хотя процесс реконструирования реальности в иной научной картине мира, занимающий Куна, не имеет такого значения в перспективе дедуктивно-номологического конструирования, как у раннего Гемпеля, именно Гемпель, как признает Кун, «способствовал выявлению «того или иного парадигмального примера поведения природы» [Кун, 2014, с. 310]. Парадигматическая модель развития науки, трансформированная в структуру дисциплинарной матрицы в «Дополнении 1969 года», позволяет, на наш взгляд, вдохнуть жизнь в стерильное пространство дедуктивно-номологической конструкции Гемпеля. Тем не менее структура номологической матрицы Гемпеля («упорядоченные элементы различного рода» [Кун, 1977, с. 238]) повлияла на структуру парадигмы Куна, и, со многими уточнениями, на компоненты дисциплинарной матрицы. Это компоненты, «легко формализующиеся»: «законы природы», «символические обобщения», «логические формы», «аппарат логических и математических формул» и разнообразные «предписания» [Там же]⁵. Анализируя результат многолетних дискуссий Куна и Гемпеля, Александр Джордж полагает, что «Гемпель в конечном итоге переходит от своих ранних взглядов к тем, которые ближе к взглядам Куна» [George, 2012, web]. Сам Кун в интервью 1995 г. говорит, что радикально различающиеся точки зрения его и Гемпеля со временем стали если не совпадать, то в значительной степени сближаться [Кун, 2014, с. 309].

И все же позиции Куна и Гемпеля радикально расходятся в главном. Несмотря на то, что Гемпель полагал, что избавиться от «рокового сопоставления предложений и фактов» невозможно, не упраздняя смысла научного познания [Гемпель, 2009, с. 187], наука, согласно Гемпелю, выстраивается, благодаря присущим ей рациональным нормам. Кун же оставляет зазор для реальности как таковой, и в отличие от управляемых теорией «фактов», именно интуитивная

⁵ Проблема нормативных основ теории не могла не войти в поле интересов Куна, потому у него есть все основания оспорить критические выпады И. Лакатоса: «Когда Лакатос пишет: «Концептуальный каркас... Куна... заимствован из социальной психологии, я же предпочитаю нормативный подход в эпистемологии», я вижу в этом лишь стремление сохранить некую философскую позу. Фейерабенд, безусловно, прав, указывая на то, что в моей работе неоднократно встречаются нормативные утверждения» [Кун, 2014, с. 173].

реальность является опорой опыта, субъективной и объективной одновременно, как показывает Кун в работе «Объективность, оценочное суждение и выбор теории». Этот «зазор реальности» в эпистемологии Куна ложится в основу принципа несоизмеримости теорий. Ни в теории фреймов Р. Карнапа, ни в теории «трех миров» К. Поппера такого рода интуициям не было места.

Еще один сочувствующий Куну критик – Маргарет Мастерман – внесла свою лепту в прояснение важных смыслов интуиции реальности Куна. Ее статья «Природа парадигмы», написанная по докладу на лондонском коллоквиуме «Критицизм и рост знания» в Бедфорд-колледже в 1965 г., ценна не только ее конструктивной и содержательной формой: Мастерман выявила 21 смысл парадигмы, свела их к трем позициям и тем самым за несколько лет до появления «Дополнений 1969 г.» определила структурную основу парадигмы. Мастерман в острополемической ситуации гиперкритики Куна, сложившейся на коллоквиуме, встала на его сторону. Во всяком случае, она высказалась, что «настоящие ученые сейчас все чаще читают Куна вместо Поппера»⁶ [Masterman, 1970, p. 60], поскольку именно Кун «действительно говорит что-то философски новое» [Ibid., p. 84]. Интерпретация Мастерман выявляет в систематически связанном виде множество идей, которые Кун стихийно заложил в СНР, предполагая, что разные содержания парадигмы будут взаимно поддерживаться и выявляться в их функциональных свойствах. Благодаря Мастерман стали очевидными два вектора влияния парадигматического мышления: движение к «фундаментальным сущностям, из которых состоит вселенная» [Ibid., p. 62], и «организующий принцип, управляющий самим восприятием» [Ibid., p. 65]⁷. Эпистемологическое значение парадигмы, ее конструктивные основы и метафизические смыслы определяют «способы видения мира и практики научного исследования в этом мире» [Кун, 1977, с. 21] и соответственно готовят «сдвиги в восприятии» [Там же, с. 154]. Метафизика лежит в основе «мета-парадигмы», представляющей в интерпретации М. Мастерман «нечто гораздо более широкое, чем теория, и идеологически предшествующее ей; то есть целое *мировоззрение*» [Masterman, 1970, p. 65], и с этой позиции парадигма «определяет большую область реальности» (“determines a large area of reality”) [Ibid.]. Очевидно, в этом смысле можно понимать загадочное выражение Мастерман «Кун думает, что парадигмы уже существуют, когда теории еще нет» [Ibid., p. 73], с которым соглашается Кун: «Когда я говорил об этом знании

⁶ Возможно, что, дисциплинируя «квази-поэтический стиль» (“quasi-poetic style”) Куна, Мастерман стремилась придать его теории конструктивную жесткость. Характеристика научного стиля Куна: [Фуллер, 2000, с. 250].

⁷ На этом основании, очевидно, несправедлива критика Э. Морриса, упрекающего Куна в неспособности различить восприятие и референцию [Morris, 2018, p. 24].

как о базисе науки и построения теорий, я имел в виду то, что относительно парадигм выразила мисс Мастерман своим утверждением о том, что они «могут функционировать, когда теории еще нет» [Кун, 2014, с. 234]. Метафизические, конструктивные и социологические функции парадигматической эпистемологической программы Куна воспроизводятся в разного рода моделях, которые в своей «существенной конкретности» [Masterman, 1970, с. 72] позволяют высказываться о реальности. В СНР «метафизические части парадигмы» охарактеризованы как «концептуальные модели», дополненные «онтологическими моделями» и «эвристическими вариантами», а также перечнем решенных и нерешенных головоломок с оценкой их значимости для утверждения теории [Кун, 1977, с. 240]. Но это моделирование не предполагает сравнения модели (как приблизительной копии фрагмента реальности) с фрагментом реальности как таковой, поскольку этот последний также с неизбежностью будет обусловлен определенным «видением». В любом случае, если мы правильно понимаем Куна, разные парадигмы всегда будут несовместимыми еще и потому, что в них отсутствует средний связывающий их элемент, который был бы принадлежностью «объективного мира».

Согласно Куну, теоретическое конструирование мира предполагает множественность возможных моделей реальности. В статье «Возможные миры в истории науки», подготовленной к 65 Нобелевскому симпозиуму 1986 г., Кун обсуждает эту проблему с точки зрения применения разных языков моделирования, и видит в их разнобразии проблему неизбежной релятивизации реальности: «Угроза реализму – первоочередная проблема, которая меня занимает, и она представляет здесь множество проблем. Язык... дает членам общества, его использующего, концептуальный доступ к бесконечному множеству лексически доступных миров – миров, различных с помощью языка сообщества» [Кун, 2014, с. 107]. Логические и лингвистические исследования, в которые Кун вынужден был погружаться время от времени, давали ему возможность с новых позиций обсудить пункты своего радикального расхождения с критиками в вопросе о несоизмеримости парадигм [Там же, с. 128, 228–230]. Для Куна решающее значение в определении конкретных факторов развития той или иной теории имеет исторический контекст, в котором формируется описание реальности. В этом смысле известный пример с физикой Аристотеля является самым подходящим «введением» в парадигматику Куна. В статье «Переосмысление научных революций» он вспоминает, что поначалу оценивал Аристотеля как «не только невежду в механике, но и вообще чрезвычайно плохого ученого. В частности, его сочинения о движении казались мне наполненными ужасными ошибками – как в логике, так и в наблюдении» [Там же, 23]. Однако «неправдоподобность» собственной оценки Аристотеля заставила Куна пересмотреть ее [Там же, 24].

В исследовании «открытия» значения физики Аристотеля, интерес к которой проявился у Куна начиная с 1947 г., т.е. со времени самого начала преподавания курса истории науки в Гарварде, ему важны даже обыденные обстоятельства этого события. Его «обретение» физики Аристотеля» рационально («дедуктивно-номологически») никак не просчитывается и не контролируется, и, с точки зрения критиков Куна, определяется как иррациональное событие. Аристотель открылся Куну в определенный день, в определенное время, «внезапно» – как «реформатор» ньютоновской физики в обратной исторической перспективе. И аристотелева физика одновременно явилась предметом аналитики и формой объяснения в парадигматическом измерении, придав реальности ее формальную, причинную, материальную и телеологическую определенность, – в полном соответствии с четырьмя принципами метафизики Аристотеля.

Объективность и истина

Кун выявляет характеристики множественности разных парадигматических миров, – Аристотеля, Ньютона, Эйнштейна. Возможно ли в этом контексте рассуждать об объективности? Именно такой вопрос ставит Кун в своей, по его определению, «спорной» (“controversial”) статье «Объективность, оценочное суждение и выбор теории». Он излагает в ней свое понимание причин перехода от одной, проверенной временем парадигмы, к другой, и нетривиальность задачи состоит в том, что Кун сомневается в возможности создания алгоритма, способного «диктовать рациональный, единоклассный выбор» теории [Kuhn, 1977, p. 359]. Что же тогда является основанием перехода от «устоявшейся теории» к новой теории, – «выскочке-конкуренту» (“upstart competitor”) [Ibid., p. 357]? Кун вводит пять причин, из которых тематически интерес представляет «адекватность»: «Вычтите из этого списка точность соответствия природе, и предприятие, которое получится в результате, может не походить на науку» [Ibid., p. 362]. Однако анализируя конкретные истории теоретического предпочтения (напр., выбор галилеевой гелиоцентрической системы Кеплером), Кун отмечает, что критерий адекватности в этом случае становится двусмысленным («equivocal»), и в ситуации реального выбора он варьируется от одного ученого к другому, не подвергая тем самым ни малейшей опасности их приверженности канонам, которые «делают науку научной» (“make science scientific”) [Ibid., p. 358]. И такое варьирование критерия, управляющего субъективным выбором ученых, Кун считает свойством «природы научного знания», а не показателем «человеческой слабости» [Ibid., p. 359].

Что понимается под «точностью соответствия природе» («адекватностью»), если выбор теории осуществляется согласно прагматическим ценностным ориентирам «плодотворности», «поддержки новизны», «методам предсказания и контроля»? Кун признает, что употребление им понятия «объективность» и «субъективность» в этом контексте может вызвать недоумение (“discomfort”) [Kuhn, 1977, p. 365]. Очевидно, что для Куна объективность – это не характеристика мира, лежащего «по ту сторону сознания» на стороне «самих вещей», но скорее объяснение по поводу целесообразности приписывания вещам определенных свойств. Согласованное мнение относительно объектов обсуждения, признаваемое субъективно в неограниченном количестве подтверждающихся оценок, так же, как и критерии, нормы, стандарты «объективности» определяются научными ценностями, а не наоборот: «Я соглашаюсь, конечно, что критерии выбора, с которых я начал, функционируют не как правила, которые определяют (детерминируют) выбор, но как ценности, которые влияют на него» [Ibid., p. 362]⁸. Кун вынужден признать, что «все эти тезисы являются проблематичными, а также спорными, тем не менее моя приверженность им не ослабевает» [Ibid., p. 367]. Научные – когнитивные – ценности в этом контексте являются матрицей внутреннего корпоративного концептуального и рационального единства и согласованности научных словарей, но именно здесь, с точки зрения Куна, может развернуться бездна несовместимости их содержания. Он демонстрирует это на многих примерах (в частности, на сопоставлении физики Аристотеля с физикой Ньютона и физики Ньютона с физикой Эйнштейна). Кун формулирует это положение как «существование значительных ограничений на то, что сторонники различных теорий могут сообщать друг другу» [Ibid., p. 366]⁹. Что в этом самом интересном случае происходит с «объективностью»? Объективное знание выступает как ноумен в значении «демаркационного понятия» между познанным и непознанным в кантовском смысле. Стоит ли удивляться, что призрак кантовой «вещи в себе» проявляется в контексте рассуждений Куна об объективности¹⁰.

⁸ В тексте СНР понятие «ценности» встречается лишь однажды в контексте исследований «эффективности техники убеждения» среди сообщества ученых [Кун, 1977, с. 131]. Как элемент дисциплинарной матрицы ценности появляются в «Дополнении 1969 года» [Там же, с. 238]. Интересно, как ректор Гарварда Дж. Конант обосновывает необходимость чтения курса по истории и философии науки, к которому в качестве ассистента он привлек Томаса Куна: «тонкие взаимосвязи процедур, ценностей и символов, которые характеризуют науку в определенном месте и времени, не как метод, а скорее, как разновидность научной культуры» [цит. по: Galison, 2008, p. 121].

⁹ О дискуссиях по проблематике когнитивных ценностей, вызванных работами Куна: [Lacey, 1999; Laudan, 1984; 2004].

И уже совершенно не случайно итогом рассуждения об объективности является указание на прагматическую сторону как возможность «демонстрировать друг другу конкретные технические результаты» [Kuhn, 1977, p. 367]. Хорошим примером технической эффективности для Куна является расшифрованный текст Розеттского камня как принцип понимания других египетских текстов. Является это достижение формой субъективности или объективности в науке? Чтение иероглифов, как всякая интерпретация сообщения, субъективно относительно содержания древнеегипетских записей. Тем не менее этот прием предоставляет способ чтения этих источников в принципе. И «какой бы непонятной ни была новая теория для сторонников традиции, демонстрация впечатляющих конкретных результатов убедит хотя бы некоторых из нас в том, что мы должны знать, как именно достигаются такие результаты» [Ibid.].

Кун предвидит, что признание ценностей компонентой дисциплинарной матрицы может вызвать (и действительно вызвало со стороны К. Поппера, И. Лакатоса, С. Тулмина и Дж. Воткинса) критику и упреки в субъективности и иррационализме, и тем не менее он настаивает на необходимости их включения в матричную структуру, несмотря на то, что ценности скорее характеризуют, как он признает, область аксиологии и даже эстетики [Кун, 1977, с. 243], чем эпистемологии. Но это дисциплинарное дополнение матрицы «строгой» науки аксиологической программой расширяет зону рациональной культуры и рациональных неучтенных принципов ее оформления. Не случайно Кун ищет союзника в П. Фейерабенде, признающем мифологическое содержание науки полезным (а У. Куайн неизбежным). Кун соглашается с ним как историк науки: «Если эти устаревшие концепции следует называть мифами, то оказывается, что источником последних могут быть те же самые методы, а причины их существования оказываются такими же, как и те, с помощью которых в наши дни достигается научное знание» [Там же, с. 19]. Представления Куна об объективности существенно коррелируют с его пониманием истины.

В октябре 1990 г. в Президентской речи, произнесенной на собрании Ассоциации философии, Кун упоминает о главных темах своей так и не написанной работы: «Если вернуться к задуманной мною книге, то, я думаю, вы не удивитесь, услышав, что ее главная цель – обсуждение таких проблем, как проблема рациональности, релятивизма и, самое важное, проблема реализма и истины» [Кун, 2014, с. 127]. Но если М. Шлик еще мог позволить себе пользоваться «старым добрым выражением “согласие с реальностью”» [Шлик,

¹⁰ О «нео-кантианской» подоплеке релятивизма Куна: [Hooyningen-Huene, 1993, pp. 31–36], о кантовском вопросе в контексте вопроса о несоизмеримости теорий и о развитии «кросс-парадигмальных критериев»: [Мамчур, 2004, с. 90–139].

1993, с. 39], Кун относится к понятию истины с большой осторожностью, что наиболее определенно проявляется в его автокомментарии к СНР: «Следует отметить, что до самых последних страниц термин «истина» фигурировал в данной работе только в цитате из Фрэнсиса Бэкона. И даже здесь он использовался только как источник убеждения ученого...» [Кун, 1977, с. 223]. Цитата из Бэкона, приведенная из «Нового Органона» о том, что истина скорее «возникает из заблуждения, чем из неясности...» расценивается Куном как «проницательное методологическое изречение» [Там же, с. 39]. Свои размышления об истине Кун предпочитает формулировать в форме наводящих вопросов: «Действительно ли мы должны считать, что существует некоторое полное, объективное, истинное представление о природе и что надлежащей мерой научного достижения является степень, с какой оно приближает нас к этой цели?» [Там же, с. 223]; «Какова должна быть природа, включая и человека, чтобы наука была возможна вообще? Почему научные сообщества должны достигнуть прочной согласованности, недостижимой в иных сферах? Почему согласованность должна сопутствовать переходу от одного изменения парадигмы к другому? И почему изменение парадигмы должно постоянно создавать инструменты, более совершенные в любом смысле, чем те, что были известны до этого? С одной точки зрения эти вопросы, исключая первый, уже получили ответ. Но с другой точки зрения они остаются такими же открытыми, какими были в самом начале этого очерка» [Там же]. Это сказано в самом конце СНР. Его сомнения относительно возможностей науки очевидны: наука лишь «в каком-то отношении дает нам лучшее представление о том, что же в действительности представляет собой природа» [Там же, с. 269]. Кун остается на прежних умеренно скептических позициях относительно осмысленного использования термина «истина»¹¹: он ставит под сомнение идею прогрессивного развития науки, когда последующие теории «всегда все больше и больше приближаются к истине» и идею «онтологического соответствия» «между теми сущностями, которыми теория “населяет” природу, и теми, которые в ней “реально существуют”» [Там же]. Кун определенно не является сторонником корреспондентской теории истины и добавляет:

¹¹ О природе «научного скептицизма» Куна: [Касавин, 2020]. А. Писарев обращает внимание на двойное одобрение СНР Р. Карнапом: «Рудольф Карнап, получив рукопись, был весьма доволен и самим фактом завершения работы (два историка до Куна не смогли предоставить работы по истории науки), и высказанными Куном идеями – они перекликались с его рассуждениями о языковых каркасах и смене теорий как совершенствовании инструмента познания, а не приближении к истине» [Писарев, 2020, с. 139]. А.П. Огурцов отмечает, что Кун невольно способствовал «формированию новой, отчужденной и непременно оппозиционной группы интеллектуалов, отстаивавших независимость суждений, а не приверженность истине» [Огурцов, 2004, с. 8].

«Возможно, что есть какой-то путь спасения понятия «истины» для применения его к целым теориям» [Кун, 1977, с. 269]. Таков итог его понимания истины в СНР.

Изменил ли Кун свои взгляды в более поздних работах? В тексте лекции «Проблемы исторической философии науки», прочитанной Куном в Гарварде в 1991 г., его представления об истине ничем не отличаются от его более ранних высказываний: «Все прошлые убеждения относительно природы рано или поздно оказывались ложными. Следовательно, вероятность, что какое-то из ныне высказываемых убеждений будет лучше, близка к нулю. Остается лишь принять формулировку, разработанную традицией: последовательность сменяющих друг друга законов и теорий всё больше приближается к истине. Конечно, может быть и так, однако в настоящее время неясно, что бы это значило» [Кун, 2014, с. 161].

В этой связи Кун включается в дискуссии с представителями теории семантики возможных миров. В статье «Возможные миры в истории науки» он анализирует аргументы У. Куайна, изложенные в его статье «Мир и объект». Точка зрения Куна совпадает с позицией Куайна в признании невозможности достичь полной определенности перевода с одного языка на другой, но Куайн настаивает на принятии множества вариантов перевода, а Кун, в соответствии с принципом несоизмеримости парадигм, полагает, что «вместо существования бесконечного количества переводов, совместимых со всеми нормальными диспозициями языкового поведения, часто не существует ни одного» [Там же, с. 85]. Семантическая теория истины в версиях Тарского, Куайна или Китчера не избавляет Куна от скептицизма в этом вопросе. Но соглашаясь с Куном в том, что более точным выражением смысла понятия «истина» являются выражения «авторитет убеждения», «вероятность», «приближения к истине», или «истинностные значения» [Там же, с. 57, 152, 161, 415], невозможно не принять релятивистскую картину мира в целом.

В.А. Лекторский обращает внимание на то, что, проводя релятивистскую программу, Кун «по каким-то причинам... не решался сделать вывод из своей концепции» [Лекторский, 2015, с. 13]. Возможно, что Кун осознавал следствия исходного релятивизма, лежащие в основании его понимания реальности, которые определяют не только эпистемологию и ценностно ориентированную философию, но культуру в целом. Кун не дожид до таких представлений о реальности, когда релятивизируются и трансформируются понятия о самой природе человека, когда релятивизм управляет содержаниями понятий возможного и должного, когда подрываются самые основания поиска истины и открываются окна Овертона, когда становится невозможным научный диалог. В коллективной монографии «Релятивизм как болезнь современной философии» рассматриваются познавательные, культурные, идеологические и политические следствия

релятивистской установки и с разных позиций анализируется возможность избежать «релятивистской ловушки» [Лекторский, 2015, с. 17] в философии науки (В.А. Лекторский, Н.Т. Абрамова, Д.И. Дубровский, Г.Д. Левин, И. Нийнилуото, А.Н. Павленко, Е.Л. Черткова), в социальной эпистемологии (Е.А. Мамчур, Б.И. Пружинин, Е.О. Труфанова), в современной логике (А.М. Анисов, Н.С. Автономова, С.А. Павлов), в когнитивистике (Н.М. Смирнова), в этике (Д.В. Иванов). Добавим, что культурный релятивизм шпенглеровского и хантингтоновского толка, информационные технологии, расширяющие и трансформирующие представления о реальности, технические и технологические факторы воздействия на человека и его телесность, новый опыт восприятия, куда более радикальный, чем тот, который имел в виду Томас Кун, – все эти факторы актуализируют проблематику реальности, определенную Куном и оставленную им нам в наследство.

Список литературы

- Гемпель, 1998 – *Гемпель К.* Логика объяснения / Пер. с нем. О.А. Назаровой. Л.: М.: Дом интеллектуальной книги: Русское феноменологическое общество, 1998. 240 с.
- Гемпель, 2009 – *Гемпель К.* Теория истины логического позитивизма / Пер. с нем. О.А. Назаровой // Вестник томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 2 (6). С. 185–194.
- Касавин, 2020 – *Касавин И.Т.* Парадигма как этика смирения // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 132–138.
- Кун, 2014 – *Кун Т.* После «Структуры научных революций» / Пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ, 2014. 443 с.
- Кун, 2014 – *Кун Т.* Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. / Пер. с англ. И.З. Налетова. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
- Огурцов, 2004 – *Огурцов А.П.* Т. Кун: между агиографией и просопографией // Философия науки / Под ред. М.А. Розова. Вып. 10. М.: ИФРАН, 2004. С. 3–28.
- Лекторский (ред.), 2017 – Перспективы реализма в современной философии / Ред. В.А. Лекторский. М.: Канон-Плюс, 2017. 464 с.
- Лекторский (ред.), 2015 – Релятивизм как болезнь современной философии / Ред. В.А. Лекторский. М.: Канон-Плюс, 2015. 392 с.
- Мамчур, 2004 – *Мамчур Е.А.* Объективность науки и релятивизм: (К дискуссиям в современной эпистемологии). М.: ИФРАН, 2004. 242 с.
- Писарев, 2020 – *Писарев А.* «Все мы посткунианцы»: эпизоды необыкновенной истории «Структуры научных революций» // Логос. 2020. Т. 30. № 3. С. 135–177.
- Шиповалова, 2018 – *Шиповалова Л.В.* Статус эпистемических вещей (объектов). Современная историческая эпистемология. Аналитический обзор направления исследований // The Digital Scholar: Philosopher’s Lab / Цифровой ученый: лаборатория философа. 2018. Т. 1. № 4. С. 153–167.

Шлик, 1993 – Шлик, М. О фундаменте познания / Пер. с англ. И.Б. Боровой, А.Л. Золкина, А.А. Яковлева // Аналитическая философия. Избранные тексты / Сост. и коммент. А.Ф. Грязнов. М.: Изд-во Московского ун-та. 1993. С. 33–50.

Фуллер, 2020 – Фуллер С. Кун против Поппера: Борьба за душу науки / Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2020. 272 с.

References

Beni, 2021 – Beni, M. “Cognitive Penetration and Cognitive Realism”, *Episteme*, 2021, pp. 1–16. DOI: 10.1017/epi.2021.39.

Bird, 2000 – Bird, A. *Thomas Kuhn*. Chesham, Bucks: Acumen Publishing Limited, 2000, 324 pp.

George, 2012 – George, A. “Opening the Door to Cloud-Cuckoo-Land: Hempel and Kuhn on Rationality”, *Journal for the History of Analytical Philosophy*, 2012, vol. 1, no. 4 [https://philpapers.org/archive/GEOOTD-3.pdf, accessed on 15.06.2022].

Curd, 2019 – Curd, M., Tulodziecki, D. “Should We Trust What Our Scientific Theories Say?”, in: McCain, K. & Kampourakis, K. (ed.). *What is Scientific Knowledge? An Introduction to Contemporary Epistemology of Science*. New York: Routledge, 2019, pp. 245–259.

Chalmers, 2007 – Chalmers, D. “Ontological Anti-Realism”, in: D. Chalmers, D. Manley & R. Wasserman (ed.) *Metametaphysics New Essays on the Foundations of Ontology*. New York: Oxford University Press, 2007, pp. 77–129.

Dimitrakos, 2021 – Dimitrakos, T. “Correction to: Scientific Mind and Objective World: Thomas Kuhn Between Naturalism and Apriorism”, *Erkenntnis*, 2021, vol. 86, no. 255, pp. 225–254.

Fuller, S. *Kuhn protiv Poppera: Bor'ba za dushu nauki* [Kuhn vs. Popper: The Struggle for the Soul of Science], trans. by V.V. Tselishchev. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya», 2020, 272 pp. (Trans. into Russian)

Galison, 2008 – Galison, P. “Ten Problems in History and Philosophy of Science”, *Isis*, 2008, vol. 99, pp. 111–124.

Ghins, 2003 – Ghins, M. “Thomas Kuhn on the Existence of the World”, *International Studies in the Philosophy of Science*, 2003, vol. 17, no. 3, pp. 265–279.

Hempel, C.G. *Logika ob'yasneniya* [Scientific Explanation], trans. by O.A. Nazarova. Leningrad, Moscow: Dom intellektual'noi knigi; Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1998, 240 pp. (Trans. into Russian)

Hempel, C.G.; Nazarova O.A. (trans.) “Teoriya istiny logicheskogo pozitivizma”, *Vestnik tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2009, no. 2 (6), pp. 185–194. (Trans. into Russian)

Hoyningen-Huene, 1993 – Hoyningen-Huene, P. *Reconstructing Scientific Revolutions: Thomas S. Kuhn's Philosophy of Science*, trans. by A. Levin. Chicago: Chicago University Press, 1993, 310 pp.

Kasavin, I.T. “Paradigma kak etika smireniya” [Paradigm as an Ethics of Humility], *Voprosy filosofii*, 2020, no. 12, pp. 132–138. (In Russian)

Kuhn, 1977 – Kuhn, T. “Objectivity, Value Judgment, and Theory Choice” [The Paradigm as an Ethic of Humility], in: T. Kuhn. *The Essential Tension: Selected Studies in Scientific Tradition and Change*. Chicago: University of Chicago Press, 1977, pp. 356–367.

Kuhn, 2014 – Kuhn, T. *Posle “Struktury nauchnykh revolyutsii”* [The Road Since Structure: Philosophical Essays], trans. by A.L. Nikiforov. Moscow: AST, 2014, 443 pp. (Trans. into Russian)

Kuhn, T. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The Structure of Scientific Revolutions], trans. by I.Z. Naletov. Moscow: Progress, 1977, 300 pp. (Trans. into Russian)

Lacey, 1999 – Lacey, H. *Is Science Value-Free? Values and Scientific Understanding*. London: Routledge, 1999, 285 pp.

Laudan, 2004 – Laudan, L. “The Epistemic, the Cognitive, the Social”, in: P. Machamer & G. Wolters (eds). *Science, Values and Objectivity*. Pittsburgh: Pittsburgh University Press, 2004, pp. 14–23.

Laudan, 1984 – Laudan, L. *Science and Values: An Essay on the Aims of Science and Their Role in Scientific Debate*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1984, 149 pp.

Lektorsky, V.A. (ed.) *Perspektivy realizma v sovremennoi filosofii* [Perspectives on Realism in Contemporary Philosophy]. Moscow: Kanon-Plus, 2017, 464 pp. (In Russian)

Lektorsky, V.A. (ed.) *Relyativizm kak bolezni' sovremennoi filosofii* [Relativism as a Disease of the Contemporary Philosophy]. Moscow: Kanon-Plus, 2017, 464 pp. (In Russian)

Mamchur, E.A. *Objektivnost' nauki i relyativizm: (K diskussiyam v sovremennoi epistemologii)* [Objectivity of Science and Relativism: To the Discussions in the Contemporary Epistemology]. Moscow: IFRAN, 2004, 242 pp. (In Russian)

Masterman, 1970 – Masterman, M. “The Nature of a Paradigm”, in: I. Lakatos & A. Musgrave (eds). *Criticism and the growth of knowledge. Proceedings of the International Colloquium in the Philosophy of Science*. London: Cambridge University Press, 1970, vol. 4, pp. 59–89.

McMullin, 1993 – McMullin, E. “Rationality and Paradigm Change in Science”, in: P. Horwich (ed.). *World Changes. Thomas Kuhn and the Nature of Science*. MIT Press, 1993, pp. 55–78.

Morris, 2018 – Morris, E. *The Ashtray (Or the Man Who Denied Reality)*. Chicago and London: University of Chicago Press, 2018. 207 pp.

Needham, 2020 – Needham, P. “Realism and the Advancement of Knowledge”, in: *Getting to Know the World*. Scientifically Springer. Cham., Synthese Library, 2020, vol. 423. pp. 125–163.

Ogurtsov, A.P. “T. Kuhn: mezhdru agiografiei i prosopografiei” [Kuhn: Between Agiography and Prosopography], in: M.A. Rozov (ed.). *Filosofiya nauki* [Philosophy of science]. Moscow: IFRAN, 2004, no. 10, pp. 3–28. (In Russian)

Pirozelli, 2019 – Pirozelli, P. “Thomas Kuhn’s Theory of Rationality”, *Manuscripto*, 2019, vol. 42, no. 3, pp. 1–46.

Pisarev, A. Review: “‘Vse my postkuniantsy’: epizody neobyknovЕННОI istorii ‘Struktury nauchnykh revolyutsii’” [“All of Us Post-Kuhnies”: Episodes of the Extraordinary History of the Structure of Scientific Revolutions], *Logos*, 2020, no. 30 (3), pp. 135–177. (In Russian)

Price, 2013 – Price, J. *Words or Worlds: The Metaphysics within Kuhn’s Picture of Science*. Guelph, Ontario, Canada, 2013, 95 pp.

Psillos, 2005 – Psillos, S. “Scientific Realism and Metaphysics”, *Ratio*, 2005, vol. 18, no. 4, pp. 385–404.

Sankey, 2021 – Sankey, H. “Realism and the Epistemic Objectivity of Science”, *Kriterion – Journal of Philosophy*, 2021, vol. 35, no. 1, pp. 5–20.

Schlick, M. “O fundamente poznaniya” [On the Foundation of Knowledge], trans. by I.B. Borisov, A.L. Zolkin, A.A. Yakovlev], in: A.F. Gryaznov (ed.). *Analiticheskaya filosofiya. Izbrannye teksty* [Analytic Philosophy. Selected Texts]. Moscow: Izd. Moskovskogo un-ta, 1993. pp. 33–50. (In Russian)

Shipovalova, L.V. “Status epistemicheskikh veshchei (ob”ektov) Sovremennaya istoricheskaya epistemologiya. Analiticheskii obzor napravleniya issledovaniy” [The Status of Epistemic Things (Objects). Contemporary Historical Epistemology. Analytical Review of the Direction of Research], *The Digital Scholar: Philosopher’s Lab*, 2018, no. 1 (4), pp. 153–167. (In Russian)

Taylor, 2019 – Taylor, S.C. “The structure of psychic revolutions: A psychoanalytic account of kuhnian science”, *American Imago*, 2019, vol. 76, no. 3, pp. 381–404.

Worrall, 1989 – Worrall, J., “Structural Realism: The Best of Both Worlds?”, *Dialectica*, 1989, vol. 43, no. 1–2, pp. 99–124.

Wray, 2021 – Wray, K.B. “Kuhn and the Contemporary Realism/Antirealism Debates”, *HOPOS*, 2021, vol. 11, no. 1, pp. 72–92.